

В.П. Жарков. Попытка реформирования СССР поставила не только перед народами бывшего СССР, но и перед всем миром вопрос о том, как совместить суверенитет и национальный эгоизм с международным общественным благом, которое заключается в сохранении мира, равноправия и справедливости в отношениях между народами.

Андрей Виленович Рябов совершенно справедливо обратил внимание на двойственность природы тех процессов, которые происходили вокруг и в связи с распадом Советского Союза и попытками его сохранить. И связано это, на мой взгляд, не только с тем, что эти процессы происходили в контексте окончания холодной войны, завершающегося противостояния двух блоков и двух систем, но также и с самой природой отношений между политическими субъектами внутри СССР. С одной стороны, таким образом, переговоры о новом Союзном договоре можно описывать как внутривнутриполитическое явление, а с другой стороны, эти отношения все более и более приобретали черты, характерные для отношений стран на международной арене. Поскольку субъекты этих переговоров по своим характеристикам и положению все больше и больше приближались к статусу независимых государств. Собственно, эта двойственная природа проявилась в ходе новоогаревского процесса и в самом тексте нового Союзного договора.

Не случайно слова «суверенитет» и «суверенный» применительно к республикам ССР использовались здесь с самого начала. Мы – позволю ремарку историка – очень любим публицистично апеллировать к тому, что, как известно, в марте 1991-го года большинство граждан СССР, если быть точнее – 76% – высказались за сохранение Союза. Но обычно упускается очень важная вторая часть этой формулировки, где было сказано, что сохранение этого Союза предполагалось в качестве федерации равноправных, суверенных республик.

В предыдущем докладе уже прозвучало это понятие – федерация республик. Оно имеет совершенно конкретное значение, как минимум, со времен

трактата Иммануила Канта «К вечному миру». Кантианская федерация республик – это по большому счету не столько государственное образование, сколько некая наднациональная структура, регулирующая отношения между свободными государствами, создаваемая ради сохранения их свободы каждого участника, а не в интересах отношений господства кого-либо. Такой подход был характерен для кантианского понимания федерации республик, и это, безусловно, так или иначе на уровне, по крайней мере, духа закона присутствовало и в тех проектах, которые обсуждались, начиная с мая 1991-го года в связи с новым союзным договором.

Если мы вернемся к тому, что было поставлено в качестве рамки выступления на данной панели, то здесь я бы предложил рассмотреть два вопроса, которые возникают в связи с проблемой распада Советского Союза. Или корректнее сказать – роспуска, т.к. если мы посмотрим на то, как закончилось существование СССР, это больше похоже на роспуск.

Страны-учредительницы Союза, который был образован, напомним, в 1922-м году ради совершенно определенных целей, связанных с построением нового общества на основе равноправных отношений между свободными народами, советскими республиками, был в итоге этими республиками распущен.

Поскольку миссия этого Союза, связанная с построением коммунизма, была исчерпана, точнее, оказалась нереализуема. СССР был распущен и на переходный период преобразован в некое новое содружество (commonwealth), Содружество независимых государств. Которое, к сожалению, не состоялось, но это за рамками сегодняшнего разговора.

Если мы посмотрим на конец Союза в перспективе теории международных отношений, то для реалистов здесь, конечно, главный вопрос – почему и как исчезает super power и что такое power вообще? Мы очень часто используем это слово, но зачастую оно, как оказывается, носит весьма относительный и абстрактный характер. Как мы можем посчитать, что такое сила, власть, могущество? Советский Союз казался незыблемой и мощной державой для

большинства наблюдателей в мире совсем незадолго до его распада или, как мы договорились, самороспуска.

Тем не менее произошло то, что произошло. И это заставило реалистов углубиться в эпистемологические дебаты, в том числе о том, как мы, собственно, анализируем понятие power и сами международные отношения, в рамках которых эти power имеет решающее значение.

Второй проблемный аспект связан с либеральной, идеалистической парадигмой, идущей как раз вслед за Кантом. Попытка реформирования Советского Союза поставила в очередной раз не только перед народами бывшего СССР, но и перед всем миром вопрос о том, как совместить суверенитет и национальный эгоизм с неким, если угодно, международным общественным благом, которое заключается в сохранении мира, равноправия и справедливости в отношениях между народами.

Все эти задачи были декларированы в проекте Союзного договора, и это выглядело как возвращение к неким основаниям, на которых должен был строиться Советский Союз. Как мы помним, предполагалось следовать ленинским принципам союза свободных республик. Однако, повторяю, у этих принципов есть и более глубокая интеллектуальная генеалогия, связанная не только с марксизмом-ленинизмом.

Тут нельзя не обратить внимание, что самая страшная коллизия, которая произошла и которая вскрылась на момент реформирования СССР в период Перестройки, заключалась в том, что, будучи замысленным как союз свободных народов, Советский Союз таковым не являлся, скорее всего, ни дня своей истории. По мере своего развития и эволюции политического режима, приобретшего в сталинский период характер тоталитарного режима, СССР конечно же, все более и более превращался в империю, зачастую действовавшую по правилам континентальной реал-политик XIX столетия.

В этой связи очень важную роль, на мой взгляд, играет опубликование, придание гласности секретных протоколов пакта Молотова – Риббентропа

1939-го года, из которых совершенно ясно следовало, что Советский Союз при Сталине, накануне Второй мировой войны оказался в числе империалистических государств, делящих мир тем самым империалистическим способом, который в своих трудах обличал Ленин. Собственно, начиная с 1939-го года, как минимум, с момента раздела Восточной Европы между Гитлером и Сталиным, а также с попытки интервенции Советского Союза в Финляндию миссия СССР как наднационального образования нового типа была окончательно утрачена. Союз свободных республик обернулся банальной империей, к тому же весьма реакционной в своей внутренней и внешней политике. При том, что данный факт был очевидным для тогдашнего свободного мира, этого не осознавали ни советские люди, ни советская элита. Это оставалось большой тайной для самого Советского Союза и одновременно его ахиллесовой пятой. Как только имперская сущность СССР становится абсолютно ясной и документально подтвержденной истиной, мы можем отсчитывать обратный ход истории Союза. Не потому, конечно, что протоколы публиковать было нельзя. Речь скорее о другом: предпосылки распада СССР были созданы самим советским руководством сталинского периода, окончательно примерно к концу 1930-х годов, когда миссия Союза была окончательно подменена, и когда сам его смысл, следовательно, был утрачен. То, что у такой системы, как СССР, хватило power еще на полстолетия, – вот что выглядит уникальным при таком взгляде.

При этом попытка вернуться к ценностным основаниям СССР как союза свободных народов в условиях стремительно развивавшихся событий Перестройки была реально предпринята. Однако ни Союзный центр, ни национальные элиты не были готовы к подобной трансформации, тем более к решению сложной задачи соединения партикулярного и универсального ради некоего общего блага, где во главу угла поставлены мир и свобода. Задача эта, справедливости ради надо сказать, в должной мере не решена пока никем в мировой практике. При всех известных успехах даже Европейский Союз с

большим трудом сегодня решает коллизию между интересами национальных субъектов и их общими договоренностями.

В случае с крахом СССР мы видим еще один очень печальный результат. По прошествии последних 25 лет становится очевидным то, что на пространстве бывшего СССР не только не возникло новых успешных примеров международной кооперации, но все те попытки интеграции, которые были предприняты, скорее, сводились к очередному неоимперскому сценарию.

Сопrotивление этому сценарию порождает недоверие и ту или иную степень соперничества. В результате так называемое постсоветское пространство выглядит сегодня как территория классической международной анархии, или, выражаясь в терминах Гоббса, «войны всех против всех». Это одна из самых больших исторических трагедий, которую мы переживаем. И я думаю, что этот печальный урок будет осмыслен лишь в отдаленной перспективе.

В заключение хотел бы обратить внимание на одну из возможных причин столь неумолимой и стремительной дезинтеграции, которая произошла с СССР начала 1990-х. Прочитую статью 6-ю нового Союзного договора, прошедшего обсуждение в Ново-Огарево: «Государства, образующие Союз, считают одной из важнейших задач – сохранение и развитие национальных традиций государств, государственную поддержку образования, здравоохранения, науки и культуры. Они будут содействовать интенсивному обмену и взаимному обогащению гуманистическими и духовными ценностями народов Союза и всего мира»

Налицо весьма характерная иерархия смыслов. На первом месте – национальные традиции, диктуемые концепцией «национального возрождения». (Здесь не надо забывать, что большинство интеллектуальных элит постсоветского пространства до сих пор понимает национальное как исключительно этническое, как «кровь и почву» - и только.) Потом социальные вопросы – развитие образования, здравоохранения. И уже совсем на последнем месте – общечеловеческие ценности.

Не хочу сказать, что исключительно только эта перевернутая оптика предопределила тот печальный ход событий, который мы наблюдали позже. Однако то, что каждой стороной в данном случае двигала идея национального эгоизма, и это привело к непоправимым последствиям, является безусловным уроком не только для нас, но и для всего человечества.

А.В. Рябов. Два тезиса Василия Павловича наверняка, я думаю, вызовут дискуссию. Во-первых, тезис о том, что, на самом деле, деконструкция Советского государства началась гораздо раньше, чем процесс перестройки, - и существенно раньше. И, видимо, к этому периоду перестойки уже приобрела необратимый характер. И второй тезис о том, что по мере децентрализации союзного управления республики одновременно шаг за шагом обретали субъектность международного права, по кусочку, понемногу, что тем самым еще более усиливало эти процессы деконструкции.